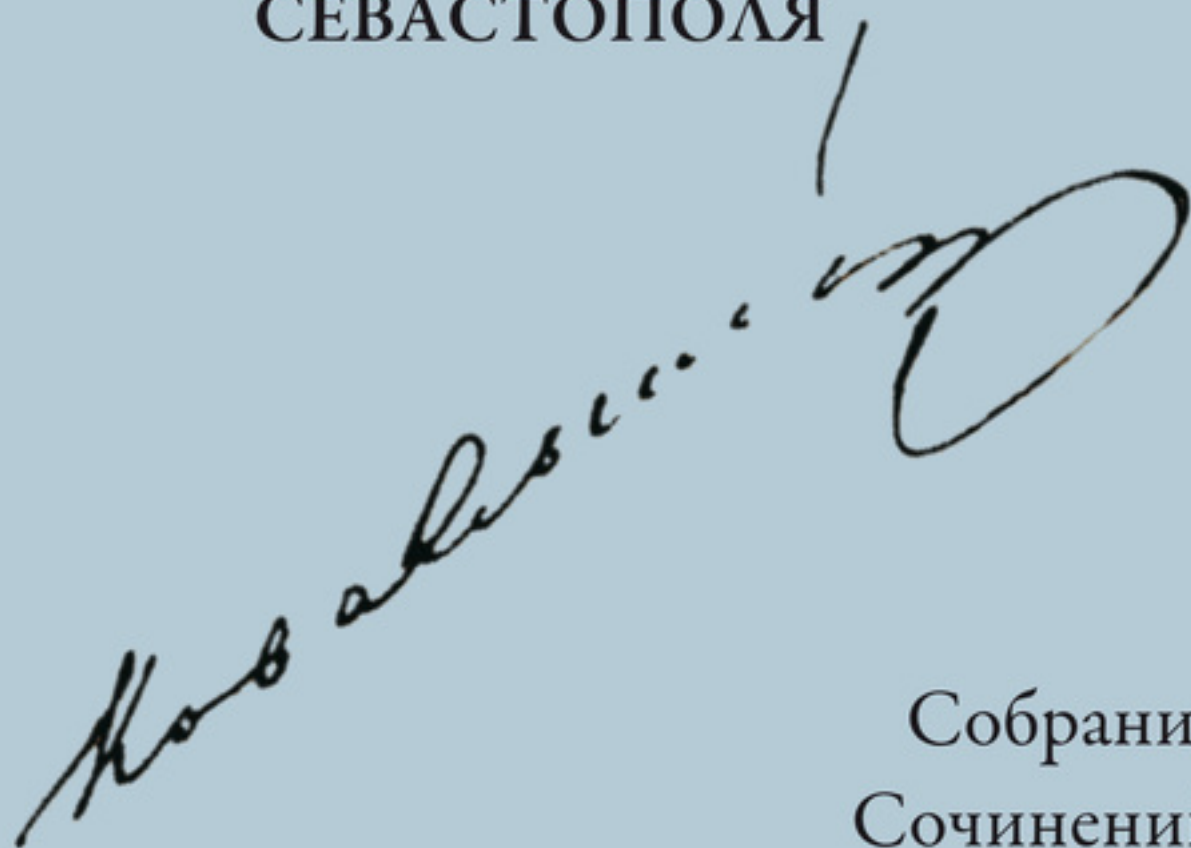

Ковалевский Е.П.

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ И РАЗРЫВ
С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ
в 1853 и 1854 годах.
БОМБАРДИРОВАНИЕ
СЕВАСТОПОЛЯ

A large, stylized handwritten signature in black ink, reading 'Ковалевский' (Kovalevskiy), is written diagonally across the lower half of the page. The signature is fluid and cursive, with a prominent flourish at the end.

Собрание
Сочинений
Том 4

Егор Ковалевский

**Собрание сочинений. Том 4. Война
с Турцией и разрыв с западными
державами в 1853 и 1854 годах.
Бомбардирование Севастополя**

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

2017

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 4. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. Бомбардирование Севастополя / Е. П. Ковалевский — «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

ISBN 978-5-9500068-4-5

Во время Крымской войны по просьбе М.Д. Горчакова, командующего Южной армией, Егор Петрович собирает материал для книги, но по причинам, о которых он сам напишет в предисловии к первому изданию, книга увидела свет только спустя 12 лет, по словам автора, не как история той знаменательной эпохи, но как материал для будущего историка. В книгу включены архивные материалы, публикуемые впервые. Издание оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-4-5

© Ковалевский Е. П., 2017
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 2017

Содержание

От издателя	6
Предисловие (к изданию 2017 года)	7
Предисловие к 1-му изданию (1868 г.)	9
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Егор Петрович Ковалевский
Собрание сочинений. Том 4.
Война с Турцией и разрыв с
западными державами в 1853 и 1854
годах. Бомбардирование Севастополя

© ООО «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

* * *

От издателя

Настоящий том печатается по книге «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. – Бомбардирование Севастополя», выпущенной типографией братьев Глазуновых в 1871 году в составе собрания сочинений [3].

В книгу вошли архивные материалы, публикуемые впервые.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и имена собственные оставлены в тексте в написании предыдущего издания с сохранением всех встречающихся вариантов.

Примечания настоящего издания отмечены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; Российскому центру науки и культуры в Бухаресте за отклик и присланные материалы [7]; ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина» за возможность опубликовать уникальные изображения из альбома Петра Владимировича Алабина, и лично Анне Ратнер, главному хранителю Музея, за все хлопоты; руководителю Представительства Минобороны России по организации и ведению военно-мемориальной работы в Румынии Шаповалову Александру Алексеевичу за внимание к нашей просьбе и предоставленные фотографии, одна из которых публикуется (Фото 1), и такие хорошие слова: «*Пусть люди знают, что о наших доблестных русских воинах помнят и здесь, в Румынии*»; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, Фесик Вероники Владимировны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Библиографический список:

1. Алабин П.В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. В 2-х тт. – Вятка, 1861.
2. Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. – М.:ГЕОГРАФИЗ, 1956. – С. 165.
3. Ковалевский Е.П. Собрание сочинений. – СПб., 1871. – Т. 2. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. – Бомбардирование Севастополя.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – М.:ГИПЛ, 1958. – Т.10. – С. 212–218.
5. РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 242.
6. Тарле Е.В. Крымская война. – М.,Л.: Издательство АН СССР, 1950. – Том I. – С. 274.
7. URL: <http://www.ziarulluiipu.ro/istorie-trecutul-se-uita/>

Предисловие (к изданию 2017 года)

Еще во время Крымской войны по просьбе М.Д. Горчакова Егор Петрович собирает материал для книги, но по причинам, о которых он сам напишет в предисловии к первому изданию, книга увидела свет только спустя 12 лет.

«Автор, – пишет Евгений Тарле, – был в 1853-1854 гг. доверенным лицом и политическим секретным агентом русского правительства в турецких и австрийских славянских землях, а также и в Молдавии и Валахии» [6]. Карл Маркс в мае 1854 года через газету «New-York Daily Tribune» сообщал, что князь Данило обратился с воззванием к вождям черногорских племен, в ответ на которое они созвали молодых воинов, «причем 4000 человек поклялись победить или умереть «за веру и отечество». <...> Сигнал к началу военных действий подаст полковник Ковалевский, получающий указания непосредственно из С.-Петербурга» [4, С. 217].

По возвращении из командировки Егор Петрович находился при Дунайской Армии, а «узнав о высадке англо-французских сил в Крыму, Ковалевский просил перевести его в действующую армию в Севастополь. После назначения М.Д.Горчакова командующим южной армией он в марте 1855 г. вместе с штабом Горчакова прибыл в осажденный Севастополь и, как видно из архивных документов, находился на северной стороне Севастополя до 25 мая 1855 г.» до перехода на Инкерманские высоты, откуда возвратился в октябре 1855 года [2, 5].

В РГИА имеется рапорт Е.П.Ковалевского следующего содержания:

В Штаб Корпуса Горных Инженеров
Полковника Ковалевского,

Рапорт.

Имея честь представить при сем Свидетельство, выданное мне из Штаба Главнокомандующего Армиями Южною и расположенною в Крыму о том что я действительно находился в Севастополе, на Северной стороне оною во все время пребывания там Главной квартиры Главнокомандующего Генерал Адъютанта Князя Горчакова до перехода оной на Инкерманские высоты, покорнейше прошу Штаб Корпуса Горных Инженеров сделать распоряжение о занесении мне в формулярный список нахождения моего в Севастополе, а равным образом, состояние мое при Дунайской армии и командирование в Черногорию.

Полковник Ковалевский
2 Ноября 1855 года
№ 33 [5, Л. 8]

Свидетельство № 19813

Дано сие Полковнику Горных Инженеров Ковалевскому в том, что он действительно находился при Главной Квартире Южной Армии и военно-сухопутных и морских сил в Крыму на Северной стороне г. Севастополя, с двадцать пятого Марта по двадцать четвертое число Мая месяца, сего тысяча

восемьсот пятьдесят пятого года, в чем подписью с приложением казенной печати удостоверяю.

Сентября 23- дня 1855 года. Сел. Орта-Каралез

Исправляющий должность

Дежурного Штаб-Офицера

Подполковник Антоси [подпись]

[5, Л. 16]

В октябре 1855 года Егор Петрович заболел тифом и вынужден был оставить Севастополь. Его оправили на излечение в Харьковскую губернию. В конце 1855 года Ковалевский прибыл в Петербург [2]. Тогда же он был награжден медалью за защиту Севастополя [5, Л. 15].

Предисловие к 1-му изданию (1868 г.)

Запоздалое появление этой книги требует пояснения. Я писал ее во время самой войны, пользуясь всеми наличными материалами, доставляемыми мне по распоряжению покойного князя Михаила Дмитриевича Горчакова и поверяя ими те живые впечатления, которые всегда охотно передаются людьми, вернувшимися с поля битвы. Тогда же я прочитывал многое из написанного князем Михаилу Дмитриевичу. Я довел свои записки до половины июля 1855 г., когда, по случаю тяжелой болезни, должен был оставить изнемогающий от продолжительной борьбы Севастополь. По приезде в Петербург, обработав свою рукопись, я послал ее князю Горчакову, в Варшаву, в конце 1856 г., который, дополнив ее своими замечаниями и приложениями, возвратил мне. По стечению обстоятельств, о которых нет надобности говорить, с тех пор я ее не видел.

Прошло более десяти лет. В то время, когда я всего менее думал о «Войне с Турцией», получил я письмо от председателя Военно-Ученого Комитета, в котором он, в одобрительных для меня выражениях, предлагал содействие Комитета как материальное, так и научное для издания книги. В то же время получил я и рукопись обратно.

Я перечитал ее, и, признаюсь, колебался издать; но автора легко убедить. О Дунайской кампании ничего не было писано; напечатанные мною в журналах 1856 года статьи из предлагаемой теперь книги и из записок, веденных во время осады Севастополя, были приняты с живым сочувствием (так говорили мне). Наконец, я должен был издать эту книгу в воспоминание о князе Михаиле Дмитриевиче, который одобрил ее, и имя которого так дорого для всех его сослуживцев. Материалов, как печатных (иностранных), так и архивных накопилось довольно; я принялся за обработку рукописи. Вышла ли она от этого лучше, чем была прежде, написанная под живым впечатлением той страшной драмы, которая развивалась перед нами — не знаю. Во всяком случае предлагаю свою книгу не как *историю* той знаменательной эпохи, которую описываю, но как *материал* для будущего *историка*.

Глава первая

Причины войны с Турцией в 1853 г. – Дипломатические сношения, предшествовавшие войне. Вопрос о Святых Местах. – Состояние христиан в Турции. – Право покровительства, которым пользуются над своими единоверцами католические и протестантские державы в Турции. – Россия требует того же, в силу своих трактатов. – Посольство князя Меншикова. – Сомнительное состояние Турции.

Причины, побудившие к войне с Турцией – каков бы ни был исход ее – с уважением помянутся историей и потомством. Война была предпринята во имя прав человечества и христианства.

Военные действия 1853-54 годов шли рядом с дипломатическими переговорами и часто им подчинялись: это отличительная черта кампании. Отсюда – частые колебания, нерешительность удара, передвижения войск, приступы и отбой, напрасные переходы через Дунай. Мы, по необходимости, должны будем беспрестанно удаляться с поля битвы к борьбе дипломатической.

В настоящее время, когда страсти, возбужденные газетными глашатаями, улеглись, и дальнейшее развитие событий, само собою, разоблачает истину, нет надобности следовать за всеми изгибами дипломатии; достаточно одного простого, исторического изложения дела, чтобы вполне понять происхождение и значение той грозной коалиции, которая против нас составила.

Сношения наши с Турцией, в последнее время царствования Императора Николая I, с каждым годом становились затруднительнее. Самые законные требования наши встречали противодействие в Диване, благодаря вмешательству представителей иностранных держав, силившихся овладеть политикой постепенно ослабевающей Турецкой монархии: всем памятен вопрос о политических выходцах и перебежчиках. Мы упоминаем здесь именно о нем для того, чтобы показать иностранцам, приписывающим России себялюбивые виды завоеваний, как легко было для нее в то время, когда вся Европа трепетала и билась в судорожном изнеможении внутренних революций, как легко было России, сильной и непоколебимой, как гранит, среди этих волнений, рушиться всей своей тяжестью на Турцию и уничтожить ее. Тем несомненное был бы успех, что войска наши, ходившие спасать другое распадавшееся государство, уже вернулись, покрытые славой, и, находясь недалеко от Турции, были готовы к новым победам. Но мы не воспользовались минутой бессилия и совершенного отчуждения и одиночества своего врага. Если противники России утверждают, что в политике все средства позволительны, то пусть обвиняют дипломатов, не воспользовавшихся случаем, но не посягают на наше нравственное чувство. Беззащитности положения, Турция обязана своим спасением. Русский двор удовольствовался в то время объяснениями весьма неточными и обещаниями, на которые, конечно, он не мог вполне рассчитывать. Русскому ли кабинету не знать двуличной политики Дивана!

На Востоке всякая уступка принимается за слабость, и Порты решилась на поступок достойный других времен; едва уступила она законным требованиям России в вопросе о Святых Местах и султан издал собственноручный *хатт-и-шериф* – акт, считающийся самым важным в Турции, как вслед затем нарушил его в пользу католического духовенства, по настоянию представителя Франции: Порты, как будто с намерением коснулась предмета самого близкого и священного для каждого русского. С другой стороны, нетерпимость и фанатизм Турции угнетали миллионы людей, миллионы христиан, и гнет правительства по преимуществу ложился на православное население, вопреки заключенным с Россией трактатам, вопреки издаваемым Диваном фирманам.

Есть люди, которые решаются говорить, что положение раиев не так бедственно, как его вообще описывают, и что правительство турецкое постоянно стремится к улучшению его. Неужели они утверждают это искренно, обманываясь сами, а, не обманывая с особой целью, с какой-нибудь вперед заданной мыслью других? Сомнительно! Турция слишком хорошо известна в наше время, а потому защитники ее народности не могут оставаться в подобном заблуждении и неведении. Обращаюсь ко всем, кто когда-либо путешествовал в Турции, и спрашиваю, кого из них не поржало состояние края? Кто, положив руку на сердце, может сказать, что раии пользуются какими-нибудь правами граждан, более – правами человечества?

Есть ли страна благодатнее той, которую занимает Турецкая империя? Едва ли! Есть ли народ злополучнее ее подданных – христиан? Конечно нет. Раия¹ – стадо, табун – так обыкновенно называют турки своих подданных – христиан; как со стадом и обращаются с ними, если не хуже; и это название, раия, еще милостивое, официальное; обыкновенная кличка – гяур, неверный, собака!

Подобно средневековому еврею, христианин заклеямен здесь особым презрением и носит наружные отлички, чтобы мусульманин с первого взгляда мог ему выразить свою долю омерзения. Ему присвоен особый цвет платья; ему не дозволяется употребления седла при верховой езде; если он встретится с турком, то должен встать с лошади, как бы тропа ни была узка, а чтобы турку свободнее было проехать, можно сбросить в пропасть лошадь христианина, – благо еще, если пощадят седока. У христианина нет собственности. Имущество, семья, дети – все зависит от каприза властелина. Он может отнять у гяура все, избить его самого. Где найдешь правосудие? Судья – такой же турок; свидетельство христиан в сущности не принимается; а кто из мусульман будет уличать своего в деле гяура: закон Магомета запрещает подобное действие. Зло кроется в самом законе, в Коране. Порталис сказал чрезвычайно верно: «lorsque les abus sont l'oeuvre des lois, le mal est incurable, car il se trouve dans le remède même»².

Еще и теперь в большей части местностей, куда не проникает влияние особенно энергического европейского консула, христианин может молиться только украдкой. Самые похороны совершаются по ночам, впотьмах, втихомолку, чтобы не встревожить фанатизм правоверных мусульман. Вообще, никаких видимых знаков христианской религии не допускается. Дипломаты указывают с торжеством на два-три креста, водруженных на церквах, и пять-шесть повешенных колоколов; но давно ли и надолго ли? До первой фанатической резни!

Ламартин, в своем хвалебном гимне Турции, говоря о ее веротерпимости, прибавляет, что у нее не было Варфоломеевской ночи. А истребление христиан в Константинополе при первом известии о восстании их! И это когда? В XIX веке. А Сирийская резня! Действительно, надо быть слишком предубежденным в пользу турок, или смотреть сквозь стену кавасов, которыми многие путешественники окружают себя, или руководствоваться побочными политическими побуждениями, чтобы восхвалять правление блестящей Порты, как это делал Ламартин, Уркварт, Пириш и немногие другие, особенно английские туркофилы. В опровержение их, именно, мы приведем здесь слова, сказанные в 1822 году в английском парламенте лордом Эрскином. «Должно считать позором для английской нации, что министерство не ото-

¹ Раия, или правильнее, раая, слово арабское, принятое турками; это – множественное число единственного рае; означает стадо, скот, табун.

² Поскольку злоупотребления являются производными законов, болезнь неизлечима, т. к. она находится в самом лекарстве (пер. с фр.). – Прим. ред. Напрасно думают, что уступки, вымогаемые у Порты европейской дипломатией имеют какое-нибудь значение. Все эти танзиматы, хатт-и-шерифы, хатт-и-гумаумы и другие акты – ничто иное как мертвая буква. Стоит побывать в любой турецкой провинции и убедиться в этом; а чтобы нас не заподозрили в пристрастии, мы выписываем пример из иностранного писателя (Alexandre Vonneau. Les Turcs et la civilisation. 1860). Христианин жаловался на турка в Мегкеме, одном из главных судилищ Константинополя. Обиженный привел в свидетели нескольких из своих единоверцев. Свидетельство христианина не приемлется перед судом Божиим, отвечал судья. – А танзимат? – Гяур, Порта может предоставлять право кому хочет и как хочет; а мы, правоверные, признаем один закон, один танзимат – коран, также точно как признаем единого Бога, которого пророк Магомет!

звало посланника из Константинополя, и не прекратило сношений с турецким правительством после тех ужасных сцен убийства, которые совершались по предписанию Порты (о них мы сейчас говорили). Все ужасы торговли невольниками ничто, сравнительно с ними. Союз с такой нацией всегда был недостоин английского правительства и народа. Теперь же он постыден. Задача наша – выбросить турок из Европы, для чего должны соединиться все цивилизованные народы». Голос благородного лорда, конечно, откликнется в потомстве.

Если турки не решились попытаться на всеобщее обращение порабощенного народа в магометанство, то это столько же из опасений, как из расчета, а ни как не по веротерпимости. Во время своей силы, султаны не прочь были обращать христиан целыми массами в магометанство; так, некогда, брали они пятого мальчика из раиев для того, чтобы пополнить ими кадры янычар, разумеется, предварительно потурчив их. Щадят раиев и по другой причине. Действительно, кто бы стал обрабатывать и ту ничтожную часть обширных и плодородных земель, которая обрабатывается теперь, если бы не было раии, стада? Мусульманин считает за стыд коснуться земли; труд не по нем. Ему – ятаган; христианину – соха.

Старый, прежний Османлы еще мог привязать к себе хотя какими-нибудь добрыми свойствами. Он был храбр, честен, всегда трезв. Случалось мне, в молодости, иногда встречать турка старого закала, отличающегося благородной простотой, природной правдой слова, суждений, даже поступков и тем сочувствием к низшим и слабым вообще, а особенно к детям, которое вообще выражает человечность. Нынешний турок – иного нрава. Променяв свой походный шатер на гарем, он в нем проводит жалкую жизнь свою. Поджав ноги, забившись в угол дивана, с чубуком во рту, сидит он, бессмысленно глядя на клубки дыма, застилающего перед ним весь свет: ни жизни в тусклых глазах, ни выражения в лице, бледном, отеком от постоянного бездействия, сладострастия, курения табаку, а иногда опиума или гашиша. И этот человек, этот мусульманин, хотели мы сказать, господствует над лучшей частью Европы, пользуясь всеми благами, которые в поте и крови добывают ему раии. – Пусть бы еще он действовал по праву сильного, но и этого не осталось за ним. Соперничество и взаимное недоверие христианских держав поддерживают в них жизнь; и этих враждебных чувств, которые постоянно держат Европу в напряженном состоянии, должна жаль Турция для собственного, никому не нужного существования. К ней вполне идет стих Овидия:

«*Saepe premento deo, fert deus alter opem.*»

Три миллиона мусульман властвуют над 12½ мил. христиан в Европейской Турции; и из этих трех мил. только одна треть настоящих турок, османлы³.

Какая же причина такого неестественного положения? Думаем, что читатель увидит ее из хода нашего изложения. Во всяком случае, правительство турецкое также бессильно как и народ, на который оно опирается или должно бы опираться. Власть сосредоточена в Константинополе, в руках верховного визиря и министров, участь которых прежде зависела от интриги гаремной, а нынче – европейских представителей.

Султан Абдул-Меджид, конечно, один из самых кротких и добрых властителей, какие были в Турции. Слово «хункиар» кровопийца⁴, к нему вовсе нейдет; если министры чего-либо с трудом добивались от него, то это утверждения смертного приговора. Он имел инстинктивное отвращение от крови, а между тем, его вынудили на самую кровопролитную войну. Абдул-

³ Точные статистические сведения о Турции невозможны: в этом мы убедились на опыте; самыми добросовестными и верными, по возможности, остаются показания Ами Буэ (*La Turquie d'Europe etc. par Ami Boué etc. Paris. 1840*). Хотя они несколько и устарели, но в Турции нельзя рассчитывать на приращение народа; магометанское население, напротив, ежегодно уменьшается и можно бы вычислить, приблизительно, время его исчезновения, если бы оно не возобновлялось приливом из Азии; главная причина тому – полигамия и рекрутский набор, который распространяется только на магометанское население. Христианские же племена мало увеличиваются по случаю беспрестанных возмущений и эмиграций (в свободную Грецию, Далмацию, Сербию и др.).

⁴ Это наименование, в числе многих других, входит в официальный титул султана.

Меджид желал только одного, – чтобы его оставили в покое в его гареме, из которого он почти не выходил, и дали средства строить дворцы и киоски. Надо сознаться, что он не лишен был чувства изящного и не чужд некоторого образования. Он еще был молод (родился в 1823 г., вступил на престол в 1839 году), но сам вид его лица, испытый, бледный, изнеможенный, показывал, что ему недолго оставалось жить, и он спешил воспользоваться этим немногим временем.

В провинции все зависит от паши. Названия изменились, но дела в том же положении. Где паша почеловечнее, там край вздохнет свободнее; паша тиран – и народ страдает невыносимо: закон не защитит его. Экономическое состояние государства самое плачевное. Едва десятая часть всех земель обрабатывается, и то в каком виде! Бедность и нищета господствуют в народе; совершенное расстройство финансов – в правительстве, которое близится к банкротству. Торговля в руках иностранцев; таможенный сбор, один из главнейших источников доходов, в руках кредиторов, как единственное обеспечение там, где доверие более не существует, где нет кредита. Промышленность, фабрики тех даже предметов, которыми некогда славилась Турция, теперь в крайнем упадке.

Обращаясь к иностранным защитникам турецкого правительства, мы укажем на их же источники: пусть перечитают донесения духовных деятелей католической или протестантской пропаганды, с таким самоотвержением вступивших в борьбу с закоснелым фанатизмом турецких пашей; пусть послушают, что говорят путешественники по Турции, достойные полной веры, как Бланки, член Парижского Института, имевший от своего правительства поручение исследовать положение христиан в Оттоманской империи⁵. «Мы уже видим, как раздирается завеса, скрывавшая Турцию, и она является нам во всем своем позоре и ветхости», – восклицает Сен-При⁶. Пусть, наконец, посмотрят донесения политических агентов, европейских консулов⁷, и они убедятся, в каком положении находятся христиане в Турции! Если же непременно нужны свидетельства, события гласные, то стоит только припомнить происшествия последних лет. Не далее как в 1852 году Омер-паша, нынешний *сердарь*, или генералиссимус, усмирил восстание мусульман в Боснии и Герцеговине при пособии христианского населения этих провинций. Мусульмане роптали на ренегата, призвавшего на помощь христиан для их гибели; враги Омер-паши успели по-своему объяснить этот ропот и передать его в Константинополь, где Омер-паша, конечно, не славился строгим соблюдением Корана. Ренегат воспользовался первым случаем, чтобы удовлетворить жажду мести магометан и показать свое рвение к новой вере; под ничтожным предлогом, он напал на христиан Боснии и Герцеговины. Ожесточенные мусульмане, поддерживаемые низамом, кинулись с исступлением на беззащитных раиев, у которых правительство отняло оружие. Началось ужасное истребление: жены, дети – все гибло под ножом турок; целые деревни уничтожены, жители других бежали в горы или в австрийские и черногорские владения.

В последующем году Омер-паша, ободренный успехом, решился обезоружить и все албанское народонаселение; но для этого ему нужно было прежде уничтожить Черногорию, во-первых, чтобы истребить этот соблазнительный пример независимости; во-вторых, чтобы отнять у албанцев, которые находятся в частой войне с черногорцами, предлог носить оружие. Мы не станем здесь описывать саму войну с Черногорией, в которую Омер-паша вторгся с 40,000 войска, большей частью низама, и 32 орудиями, и принужден был отступить, не смотря на то, что черногорцы нигде не могли сосредоточить против него, в одном пункте, более 4,000 человек; но укажем на некоторые события, свидетельствующие ясно, каким образом турки поступают с подвластными им христианами.

⁵ Приложение 1-е.

⁶ Revue des deux Mondes. Mai et Juin. 1860, Saint-Priest, duc d'Almazon.

⁷ Сондерс, англ. консул и др.

Омер-паша, расположившись лагерем близ Спужа, потребовал к себе из Герцеговины и Боснии от христианского населения подводы и провиант. Христиане исполнили требование и явились на место. Их заставили работать, делать окопы, и проч., не выдавая им ничего для пропитания; это было в самую дождливую зиму; бедные раии, не имевшие ни крова, ни приюта, терпели от изнурения и голода; Омер-паша велел их, наконец, отпустить, но прежде, отобрал у них волов для пищи солдатам, которые, в свою очередь, отняли у раиев последнюю одежду. Христиане отправились домой пешком, полунагие, и едва ли десятый из них вернулся. Не менее печальна история с тридцатью пленными черногорцами. Сердарь письменно обязался комиссарам двух империй возвратить их в отечество, и, несмотря на то, 20 человек (между ними храбрый воевода Грахова) замучены самым варварским образом. А история, столь памятная для всех, с болгарами, которых, под видом прощения и только изгнания из родины, перевозили на другую сторону Дуная! В лодках были заранее приготовлены пробоины; среди реки открыли их, и лодки с болгарами пошли ко дну; бывшие же с ними турки спаслись в особой лодке. А пирамиды, составленные из голов человеческих, которые так долго возвышались при входе в турецкий город Ниш, и на которые первый указал иностранный путешественник Бланки. А кровопролития в Алеппе в 1850 году!

Случаи, подобные следующему, повторяются очень часто: в Софии, турок сидел на пороге своей лавки и лениво курил трубку, протянув далеко на улицу длинный чубук; проходивший мимо раия задел за трубку и разбил ее; турок вынул из-за пояса всегда заряженный пистолет и убил раию; потом, на время, скрылся в доме своего знакомого, а через несколько дней опять явился в своей лавке, как будто ничего не было.

Но мы никогда не кончили бы исчисления всех варварских поступков мусульман с раиями; мы упомянули только о тех, которые совершились, так сказать, на наших глазах⁸. И можно ли рассчитывать и надеяться на покровительство законов там, где самые политические агенты иностранных держав, неприкосновенность которых уважалась во все времена и между всеми народами, подвергаются беспрестанно оскорблению. Еще недавно австрийский генеральный консул в Боснии и Герцеговине был избит среди дня турком, которому он не успел дать дорогу, и ни один христианин не осмелился поднять полуживого страдальца, пока, наконец, не пришли слугители пашы и не унесли его домой.

Это сторона политического образования Турции. Защитники ее стараются уверить Европу, к крайнему удивлению и соблазну улемов, и в религиозной терпимости империи. Нужно ли доказывать противное?

В ограде Святогробского храма, первой святыни христианства, турецкая стража у дверей курит трубку, и не только стража, всякий турок, проходящий в храм по какому-нибудь делу, закуривает трубку. К куполу прислонены комнаты турецкого гарема, и окна их выдаются в сам храм⁹. А казни патриархов православной веры и беспрестанная смена их, а сожжение монастырей и истязание монахинь в Фессалии – не служит ли все это явным свидетельством неукротимого фанатизма турок.

Многие отдельные случаи подали повод к самой жаркой дипломатической переписке представителей иностранных держав с Портой. Главнейшие католические и протестантские державы убедились в необходимости их заступничества за единоверцев. Англия, еще в 1841 году, возбудила грозные прения с Диваном, по поводу охранения своей церкви в Турции. Лорд Понсонби, поддерживаемый представителем Пруссии, считал для себя позволительным все меры, все угрозы для достижения цели. В письмах и в личных объяснениях своих с Рифаатом-пашой, он говорил: что отказ турецкого правительства в этом деле почтется за оскорбле-

⁸ Автор приехал в Дунайскую армию прямо из турецких провинций.

⁹ Есть надежда, что купол, угрожающий падением, наконец, будет перестроен усилиями христианских держав, если новые обстоятельства не воспрепятствуют.

ние нации, – далее: «что он ему советует хорошо взвесить все последствия, которые повлечет за собой отказ его для Турции». Наконец, силой подобных угроз, удалось вполне достигнуть этой цели лорду Стратфорду-Каннингу в 1843 году, и англиканская церковь беспрепятственно начала приобретать себе прозелитов из православного населения, обещая им политическое покровительство Англии, которым пользуются ее единоверцы в Турции.

Франция ревностнее других держав домогалась покровительства своих единоверцев, употребляя для этого все усилия представителей ее, начиная с Франциска де-Ноаля, епископа Экского и посла Карла IX при Селиме III¹⁰ (1573 г.) до наших времен. Мы уже говорили, что Франция успела исторгнуть от Турции фирман в нарушение всех прав, которыми пользовалась греко-российская церковь на Востоке.

Наконец, Австрия, в 1852 году, посылая графа Лейнингена, поручила ему, между прочим, заступничество за католиков Боснии и Герцеговины, и, вместе с тем, двинула на турецкие границы армию, которая, после первых дипломатических неудач Лейнингена, уже получила было повеление перейти в турецкие владения; но требования австрийского уполномоченного, поддерживаемые искренним и деятельным настоянием нашего представителя в Константинополе, достигли, наконец, желаемого успеха. Нельзя здесь не упомянуть о замечательной депеше графа Буоля, австрийского министра иностранных дел, от 21 января 1853 г. в С.Петербург. «Его Величество не делает различия между исповеданиями в отношении к исламу: император прежде всего христианин» и проч. Образ мыслей и действий графа Буоля значительно изменился в то время, когда вопрос коснулся заступничества наших единоверцев.

После того, как все главнейшие державы исторгли от Турции права покровительства своих единоверцев, могла ли Россия оставаться равнодушной зрительницей бедствий христиан православного исповедания – Россия, которая приобрела право заступничества над ними ценой крови и длинным рядом побед, Россия, которая, так сказать, обязалась трактатами с Турцией защищать и охранять православную церковь в ее владениях, и на которую потому обращены взоры всех ее единоверцев.

Утверждали, что Англия, Австрия, Франция и Пруссия, исторгнув силой угроз право покровительства над католическими и протестантскими подданными Турецкой империи, могут свободно пользоваться этим правом, потому что влияние их ограничивается несколькими сотнями тысяч человек, между тем как покровительство России распространилось бы на несколько миллионов; но если это зло, то оно не может быть терпимо ни в какой степени и нет меры, по которому бы разрешалось зло; если же несомненно то, что христиане в Турции терпят не менее негров-невольников в колониях, то конечно масса имеет более права на облегчение своей участи, чем отдельные, небольшие части. При том же, Россия основывала свои требования на трактатах.

Император Николай I, истощив чрез своих представителей при Оттоманской Порте все убеждения и доводы, и все еще стараясь избежать совершенного разрыва, решил послать в Константинополь чрезвычайного уполномоченного с письмом своим к султану, облегчая тем для министров Турции пути к переговорам и примирению с русским двором. Ошибаются те, которые приписывают этому посольству воинственные замыслы и не знают событий последних лет.

Не только не замыслили мы объявить кому-либо войну, но и не ожидали ее; иначе – союзники нашли бы нас, конечно, лучше приготовленными к встрече их. Если же тогда еще русский кабинет заботливо смотрел на критическое состояние Турции и искренно разделял с другими державами опасения в случае распада этого политического тела, то эти опасения были весьма естественны и вполне оправдались последующими событиями. Турецкая империя в то время служила полем действия иностранной политики, иностранных интересов, иностран-

¹⁰ Селим II. – *Прим. ред.*

ных интриг. В ней не было ни самостоятельности, ни свободы управления, неразлучных условий независимости государства. Сам трон султана заслонялся особой иностранного посланника, который, по произволу, управлял министрами Порты. Турция, видимо, разлагалась, и весьма естественно, что соседственная с ней Россия не могла оставаться беспечной зрительницей этого события.

Обращаюсь к посольству князя Меншикова.

Глава вторая

Дипломатические сношения князя Меншикова. – Первоначальные действия Порты. – Приезд и политика Стратфорд-Редклифа. – Уступчивость русского двора. – Проект ноты князя Меншикова. – Противодействия Дивана, поощряемые иностранными представителями. – Отъезд князя Меншикова и потом всей миссии. – Дальнейшие сношения наши с Портой. – Занятие Княжеств становится неизбежным. – Манифест.

Князь Меншиков приехал в Константинополь 16/28 февраля. 24-го февраля, в сопровождении всей своей свиты и константинопольской Императорской миссии, он имел аудиенцию у султана, в Чераганском дворце, где и представил ему свои верительные грамоты. Русский посол был принят с должными почестями и получил приглашение бывать в султанском дворце без предварительного о том ходатайства. Великий визирь Мехмет-Али-паша не переставал уверять его в удовлетворительном окончании возникших вопросов. Министр иностранных дел Фуад-эфенди, с которым не хотел вести переговоры кн. Меншиков, после его двулчных и враждебных России поступков, был удален и на его место назначен Рифаат-паша, бывший уже некогда министром иностранных дел.

Приезд русского посла произвел сильное впечатление на Порту, которая поняла всю важность своих виновных действий в отношении к России и, вероятно, готова была бы загладить их, чтобы избавиться от заслуженного возмездия, если бы кн. Меншиков стал действовать немедленно, под влиянием ее страха и отчуждения от посторонних советов. Но он приступил к переговорам не с тем грозным и решительным тоном, с каким их вел предшествовавший ему австрийский уполномоченный граф Лейнинген, назначивший Порте, немедленно по приезде своем, срок для окончательного ответа, угрожая, в случае отказа, двинуть войска внутрь турецких владений. Уверенный в законности своих требований, князь Меншиков надеялся достигнуть успеха путем переговоров; он дождался приезда посланников Франции и Англии и объяснил последнему свои требования относительно Святых Мест, в уверенности на его содействие.

Иностранные дипломаты упрекают русского посла в том, что он отделил вопрос о Святых Местах от вопроса о покровительстве и защите нашей церкви в Турции, как бы желая достигнуть сначала одного и потом приступить к другому. Не говорю уже о несправедливости такого указания, – князь Меншиков, в разговорах своих с Рифаат-пашой, не раз касался этого последнего предмета и, конечно, был уверен, что министр Порты не скроет его от представителей Англии и Франции, – замечу только, что в этом случае ничто не обязывало его вести переговоры в той или другой форме; он, как и всякий другой посланник, мог избрать тот путь, который ему казался лучше; притом же, в случае непреодолимых препятствий в исполнении второго поручения, такой способ переговоров давал ему возможность довольствоваться исполнением первого и оставить Константинополь, не прерывая мирных сношений с Портой. Конечно, кн. Меншиков не мог предполагать, что лорд Стратфорд, предуведомленный заранее о втором предложении, избрет именно его, для противодействия русскому правительству, и что он станет оказывать содействие нашему послу в вопросе о Святых Местах только для того, чтобы показать свое мнимое беспристрастие перед лицом Европы.

Стратфорд-Редклиф¹¹ приехал в Константинополь в апреле месяце и в день приезда своего имел совещание с великим визирем.

Редклиф хорошо изучил Турцию во время продолжительного своего пребывания в качестве английского посла в Константинополе; он видел ясно ее бедственное положение и говорил открыто, что Турция, такова как есть, со своим Кораном, со своей подкупной администрацией неисправима; и не он один изыскивал, чем бы заменить ее в общем равновесии Европы; при-

¹¹ Стратфорд-Каннинг получил титул виконта Стратфорда-Редклифа в 1852 году.

думали было целый ряд славянских республик, под покровительством, конечно, Англии, не заботясь о том, свойственно ли это духу народа, никогда не терпевшему такого рода правления, не смотря на соседство республик Венеции и Рагузы, и захотели ли бы славяне покровительства Англии, когда в виду их Ионические острова громко жаловались на такое покровительство! Из дальнейшего хода дел легко убедиться, что Редклиф, противодействуя видам России, вопреки выгод и польз несчастных раиев, которых бедственное положение описывал сам в таких темных красках, которых нередко защищал от всеразрушающего фанатизма Турции, что он, в начале, не был к тому побуждаем требованиями своего кабинета; скорее – он способствовал к увлечению Англии на путь политической нетерпимости и общей войны. История должна отметить, что даже в деле спасения многих миллионов христиан, личная его вражда к России превозмогла над долгом справедливости¹².

Лорд Стратфорд, подобно опытному военно-начальнику, прежде чем явиться на поле битвы, изведаль те средства, которыми может располагать на нем. Он предварительно заехал в Париж и Вену, и убедился в направлении обоих дворов; оно вполне соответствовало его видам; ему оставалось только придать более смелости и энергии действиям австрийской политики. Что же касается до тюльерийского двора, то ему удалось проникнуть те сокровенные идеи императора Наполеона, которые даже неизвестны были его представителю в Турции¹³. Стратфорд-Редклиф, явившийся в Константинополь после двухлетнего почти отсутствия и вызванный важностью дел, взялся за них со свойственной ему энергией. Его непреклонный характер, его железную волю, не терпевшую ни противодействия, ни даже противоречия могли переносить только турецкие министры. Он не забывал обиды, и горе тому, кто подвергнулся его мести. Правда, ревнивый к своей власти, он отстаивал своих клеветников от посторонних нападений, хотя не всегда успевал в том, что и было причиной беспрестанной перемены министерства в Турции. В отношении к России, его направление было известно. Подобно, древнему римлянину, который, убедившись в могуществе Карфагена, воскликнул: «*Delenda Carthago!*» Да падет Карфаген! и потом каждую свою речь в сенате заключал словами: «*Delenda Carthago!*», – подобно Катону, Редклиф твердил: «Да падет Россия!» и этот возглас перешел в английские журналы, в парламент; «*Delenda Carthago!*» – воскликнуло, наконец, направленное против нас общественное мнение Европы.

Политика Наполеона, как увидим, торжествовала.

Князь Меншиков имел поручение стараться заключить с турецким правительством конвенцию (о заключении нового трактата не было и речи). Мог ли наш двор требовать меньшего ручательства от Порты, которая не исполняла даже собственноручных хатт-и-шерифов султана, и без всякого предлога нарушала данные фирманы в пользу другой державы! Это заключение более торжественного акта составляло одно и единственное удовлетворение, которого требовал Государь Николай I за оскорбление, нанесенное Его достоинству нарушением слова султана и самых священных обязательств.

Конвенция относительно церкви, нам единой, не представляла ничего нового в народном праве. Во-первых, нет особой разницы между конвенцией и другими дипломатическими актами, исторгнутыми от Турции Францией и Англией в пользу единоверцев, и, во-вторых, в эпоху реформации, многие великие католические державы заключали с другими державами трактаты или конвенции, которыми обеспечивались протестантам разные привилегии, выгоды и льготы. В самой Англии подобных примеров много: так Кромвель, через представителя своего, пуританского посланника Самуила Мореланда, заключил в 1655 году трактат относительно веротерпимости в Савое, а Гиль подтвердил его в 1704 году и т. д. И теперь, во

¹² Стратфорд-Каннинг назначался послом в С.-Петербург, но русский кабинет, зная его непреклонный, неуживчивый характер, отклонил это назначение.

¹³ The invasion of the Crimea; by Alexander Willam Kinglake.

многих землях гражданское положение чуждого им вероисповедания основано на таких договорах; между тем государства, даровавшие подобные обеспечения, вовсе не почитают их нарушением своей независимости или неприкосновенности прав государя.

Наконец, как мы имели случай прежде заметить, для Турецкой империи эта конвенция не представила бы ничего необыкновенного, потому что сам факт ее уже существовал в нашем Кайнаржийском трактате, заключенном еще в 1774 году и подтвержденном Адрианопольским договором.

Тем не менее, однако, русский кабинет, поручая Меншикову заключение конвенции с Портой, не поставил ему необходимым условием эту форму акта. Он желал достигнуть цели путем переговоров, а не силой оружия; а потому русский посол, увидев на месте обстоятельства дела, ограничился требованием заключения *сенеда*, как акта более свойственного турецким формам и заключающего в себе менее значения по народному праву. Потом, встретив неправильные толкования и вследствие того непреодолимые препятствия по некоторым пунктам *сенеда*, он изменил или вовсе уничтожил иные из них; наконец, когда Порта, побуждаемая иностранными представителями, отвергала всякое соглашение относительно обязательного договора, посол наш, руководимый миролюбивыми видами С.Петербургского двора, объявил, что если Порта примет и немедленно подпишет составленную им ноту, то он согласится довольствоваться ею.

В проекте¹⁴ ноты заключалось разъяснение некоторых статей существующих уже трактатов, подтверждение фирманов ихатт-и-шерифов, изданных в различное время правительством султана в пользу христиан и обещание покровительства и защиты православному исповеданию, какими пользуются другие исповедания в Турции; наконец, русский уполномоченный ходатайствовал о разрешении возобновления купола над храмом Гроба Господня и о построении в Иерусалиме церкви, богадельни и госпиталя для русских богомольцев.

Где же тут посягательство на власть султана, где нарушение прав его?

Если мы еще недостаточно доказали, что главнейшие католические и протестантские державы выговорили от Турции такие же права покровительства над своими единоверцами, каких Россия домогалась для своей церкви, то выпишем здесь слова протокола по делам Греции, от 13-го февраля 1830 года, за № 3-м. Этот акт подписан уполномоченным Франции Монморанси-Лавалем. «Уже несколько столетий Франция пользуется правом особого покровительства над католиками, подвластными султану; это покровительство его христианнейшее величество считает обязанностью вручить ныне будущему монарху Греции в отношении только тех провинций, которые должны войти в состав нового государства».

Далее, ограждаются права католиков в новом государстве.

Таким образом, Франция несколько не колеблется объявить в формальном дипломатическом акте, что она обладает правом особенного покровительства в пользу католиков, подвластных султану, и удерживает его за собой во всех тех провинциях, которые не вошли в состав нового греческого королевства; а уполномоченный Великобритании приложил к этому акту свою подпись, вовсе не находя, чтобы это покровительство нарушало независимость Турции и самодержавие султана.

Скорее можно было бы упрекнуть нас в излишней уступчивости, чем в желании насильственно прервать сношения с Турцией, если бы дело шло не о такой монархии, которую уже два раза Император Николай I спасал от завоеваний ее смелого вассала. Сам отъезд свой князь Меншиков отлагал несколько раз, желая дать время одуматься министрам Порты. Но Турция, поощряемая надеждами на сильную защиту морских держав, которых намерения разъяснялись более и более, упростила в отказе.

¹⁴ Приложение 2-е.

Перемена министерства вполне убедила в направлении ее политики. Министром иностранных дел назначен был Решид-паша, безусловно преданный английскому посланнику в Константинополе. Решид-паша был прежде посланником в Париже и Лондоне. Эта личность довольно замечательная, имевшая сильное влияние в настоящем вопросе. Решид-паша образован на европейский лад и напитан духом новейших западных идей, которые его турецкая натура не могла вполне переработать и усвоить, а, между тем, он думал привить их к Турции. Это один из тех людей, которые, являясь в государстве в минуту его расслабления и политического упадка, своими несвоевременными и насильственными мерами еще более расшатывают его.

Великим визирем назначен был Мустафа-паша, известный по своему губернаторству в Кандии и тоже находившийся в связи с английским кабинетом. Сын его, Вели-Эддик, был в то время посланником в Париже и Брюсселе. О других министрах не к чему и упоминать.

Чтобы показать всю услужливую готовность некоторых иностранных представителей, желавших раздражить и возбудить Порту против России, упомянем, что еще в то время, когда в Лондоне, в палате лордов, в заседании 25-го апреля, Кларендон излагал миролюбивое направление посольства Меншикова, представитель Англии в Константинополе, полковник Роз, писал к адмиралу английского флота, находившегося в Мальте, чтобы он спешил со всей эскадрой к Дарданеллам, для поддержания политики Порты. Сама Франция послала свою эскадру в греческие воды еще 8/20 марта, когда переговоры шли миролюбивым путем, и, конечно, достигли бы успеха, желанного для христианства и человечества и избавляющего Европу от той кровопролитной войны, которую, таким образом, подготовляли морские державы.

Князь Меншиков оставил Константинополь и отправился в Одессу, 9/21 мая, а 16 мая прибыл туда же поверенный в делах при Оттоманской Порте, действительный статский советник Озеров, с императорской миссией.

Не смотря, однако же, на это русский двор все еще поддерживал сношения с Портой, все еще надеялся путем переговоров окончить вопрос, которого важность теперь являлась в другом виде, по случаю деятельного вмешательства и противодействия морских держав. Государственный канцлер обратился с письмом к Решид-паше, предлагая ему обдумать все последствия разрыва с Россией и извещая, что если Порта будет упорствовать в отказе, то русские войска займут Молдавию и Валахию, в виде залога. После всех уступок с нашей стороны, оставалось прибегнуть к этой понудительной мере.

Нетерпеливое желание морских держав ускорить разрыв между двумя державами, которые еще не прервали сношений между собой, разрушили всякую надежду к примирению. Они поспешно прибегнули к мерам *действительным*, которые наш кабинет представлял только как *условные*, и «французский монитор» официально объявил, что 4-го июня посланы приказания из Тулона и Марселя к адмиралам Ласюсу и Дундасу приблизить свои эскадры к Дарданеллам.

Конечно, такие меры только усложняли вопрос: с одной стороны, они поощряли Порту к решительному сопротивлению; с другой – принуждали Императора Николая I сильнее настаивать на том, чего требовали честь и достоинство России.

Из ответа Решид-паши, а равно из ноты его по этому предмету, посланной к представителям четырех держав в Константинополе, уже обнаруживаются иные начала политики турецкого министра. Он не думал об исполнении требований русского кабинета, но стремился к тому, чтобы подвергнуть сомнению все приобретенные нами по силе трактатов права, и, пользуясь настоящим положением, навсегда сложить со своего правительства прежние обязательства и отменить порядок вещей, освященный договорами и временем.

Могла ли после этого Россия оставаться при своих миролюбивых мерах?

Занятие княжеств теперь являлось не только понудительным средством, чтобы склонить Порту на прежний путь сношений с нами, но и правом возмездия против морских держав,

занявших своими эскадрами порт близ самих Дарданелл. Мера эта была столь естественна, что иностранные державы в то время единогласно согласились не считать ее поводом к войне (*casus belli*). Более – лорд Сеймур, английский посол при С.-Петербургском дворе, доносил от 11/25 января 1853 г. (в депеше № 2)¹⁵ правительству: «Я убежден, что переговоры, подкрепленные угрозой и военными движениями, будут достаточны, чтобы вынудить от Порты благоприятный ответ на *справедливые* требования России». В другой депеше, к гр. Нессельроде 29 дек. 1853, 10 янв. 1854 г., он писал, что отстраняет от Англии всякое участие в тех принудительных мерах, к которым прибегает Франция, желая отклонить султана от удовлетворения требований России; напротив, английский кабинет *настаивает* на исполнении их Портой.

Чуждый помыслов завоевания, Император Николай I объявил публично в изданном манифесте свои виды народу, и чрез государственного канцлера, свою политику иностранным державам.

Вот этот памятный для всех русских манифест.

«Известно любезным нашим верноподданым, что защита Православия была искони обетом блаженных предков наших.

«С того самого времени, когда Всевышнему промыслу угодно было вручить Нам наследственный престол, охранение сих святых обязанностей, с ним неразлучных, было предметом заботливости и попечений наших, и они, имея основанием достолавный Кайнаржийский договор, подтвержденный последующими торжественными трактатами с Оттоманской Портой, всегда направлены были к обеспечению прав Церкви Православной.

«Но к крайнему прискорбию, в последнее время, вопреки всех усилий наших защитить неприкосновенность прав и преимуществ нашей православной церкви, многие самопроизвольные действия Порты нарушали сии права и грозили, наконец, совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка, столь православию драгоценного.

«Старания наши удержать Порту от подобных действий остались тщетными и даже торжественно данное нам самим султаном слово было вскоре вероломно нарушено.

«Истошив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых наших требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в Придунайские Княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство. Но и теперь не намерены мы начинать войны; занятием Княжеств, мы хотим иметь в руках наших такой залог, который бы во всяком случае ручался нам в восстановлении наших прав.

«Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослепление хотят противного, тогда, призвав Бога на помощь, ему предоставим решить спор наш и с полной надеждой на всемогущую десницу, пойдем вперед за веру православную».

Циркулярная депеша графа Нессельрода к представителям России при иностранных державах излагает подробно и ясно весь ход переговоров наших с Турцией¹⁶.

¹⁵ Секретная переписка по этому предмету опубликована первоначально в Лондоне: *Eastern papers*.

¹⁶ Приложение 3-е.

Глава третья

Политическое состояние Молдавии и Валахии. – Расположение войск 4 и 5 пехотных корпусов в пределах России. – Состав их. – Назначение командующего войсками. – Распоряжения его. – Движение через Прут и к южным границам Бессарабии. – Дунайская флотилия. – Князь Горчаков. – Прокламация его к жителям Молдавии и Валахии. – Впечатление, произведенное в княжествах вступлением войск. – Расположение авангарда и главных сил. – Движение отряда в Малую Валахию.

Молдавия и Валахия никогда не составляли пашалыка Турции: присоединенные к ней более по договору, чем в силу завоеваний, они могли бы пользоваться некоторой самостоятельностью, если бы в Турции договоры имели какую-либо обязательную силу. Господари-фанариоты, посылаемые Портой в эти провинции из Константинополя и сменяемые ею по произволу, не многим отличались от пашей, и провинции были угнетаемы почти также, как и пашалыки. Многие помнят еще, другие знают по преданию, чем были до Адрианопольского трактата Придунайские княжества! Кому же они обязаны политическим существованием? Кто дал им права управляться своими князьями и законами, своим регламентом, кто развил их благосостояние и торговлю, насколько возможно в стране, издавна подавленной и угнетенной?

Россия купила все это своей кровью. Россия нисколько не поколебалась пожертвовать собственными выгодами для блага вновь образовавшихся княжеств, и, в ущерб торговле своих Черноморских портов, создала для Валахии Браилов, а для Молдавии Галац. Таким образом, многие земли в княжествах, не приносившие и 1,000 червонцев, вследствие развития торговли, дают до 15,000 червонцев годового дохода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.